12.03.98

Арканов Аркадий

Он болеет за «Торпедо», помнит летчика Крузе, не любит, когда женщина работает

Неизвестный Арканов, или «Вареная курица в Четверг»

— Аркадий Михайлович, с каким таким арканом ваша фамилия связана? Или, быть может, с аркой: вы мне тут объясняли, как к вам проехать, арку, в которую я должна войти, упоминали...

— В школе меня прозвали Арканом — сокращение от Аркадия. И с тех пор меня все называют Арканом или Арканчиком. А когда возникла необходимость, — а я считаю, что именно необходимость заставила меня это сделать — я взял литературный псевдоним — Арканов.

— Родители ваши возмутились, прореагировали как-то?

— Никак. Они лишены эдакой родовой привязанности к своей фамилии. Возникло это после окончания медицинского института, когда я три года работал врачом, сочетая начинающуюся литературную деятельность, так называемую, с так же называемой врачебной деятельностью. И в это время мы начали сотрудничать с Григорием Гориным, у которого Горин — тоже псевдоним. У нас были совсем неблагозвучные фамилии, неблагозвучные с позиций того времени. Когда мы принесли свою первую интермедию для радио в передачу «Веселый спутник», одна из редакторов — милейшая женщина, жива-здорова и молода до сих пор — из любви к нам сказала: «Аркадий, Гриша, войдите в мое положение, никто в эфир не пропустит такие неблагозвучные фамилии — подумайте о псевдониме». Я долго мучился и сказал, что я готов.

— А Гриша?

— Гриша подумал, а потом сказал: Горин. «А почему Горин?» — спрашиваем. «А я даже не знаю», — сказал он. А уж спустя некоторое время расшифровал так: Григорий Офштейн Решил Изменить Национальность.

— Так что, в результате опыт был удачным: прозвучала интермедия по радио-то?

— Прозвучала. Ведь раньше понятие остроты отсутствовало в принципе, тогда это все был так называемый положительный юмор — мы его называли конфликтом хорошего с лучшим.

— Но ведь вы с Гориным в конце концов разошлись, так ведь?

— Я уже говорил, что мы проработали с ним вместе 9 лет, и такие известные артисты, как Миров и Новицкий, тогдашние кумиры Шуров и Рыкунин, которые работали тогда в разговорном жанре и жанре конферанса, который сейчас в принципе уже умер, — все они пользовались в том числе и нашим материалом. У нас было много эстрадных программ, множество эстрадных оркестров исполняло наш репертуар, причем как разговорный, так и песенный, стихотворный. Но на этом мы и...

— Подорвались, что ли?

— Нет, наоборот, это принесло колоссальную пользу и мне, и ему. Этот период закончился написанием трех пьес, одна из которых была поставлена впервые в театре Акимова в Ленинграде, и потом ее играли 82 театра в России и многие театры за рубежом, она пользовалась бешеным успехом.

— Тогда я тем более не понимаю, почему вы разошлись...

— Вот. Вторая пьеса была поставлена еще в 69-м году Марком Захаровым, нашим другом, он тогда работал в Театре сатиры. Но «голова» у нее при непосредственном участии тогдашнего министра культуры Екатерины Алексеевны Фурцевой была отвернута. После тринадцатого спектакля...

— Из цензурных соображений?

— Такое впечатление было, что наша пьеса попала под трамвай. Это длинная история, почему Фурцева взъелась на нашу пьесу, но это было абсолютным произволом снять ее из репертуара таким волюнтаристским решением. Театры автоматически ее сняли. Тогда еще Таллинский театр русской драмы и Вильнюсский получили по разгромной статье в их партийной печати, в результате чего она была снята из репертуара и там. Ну и для того чтобы придать этому разгрому законный характер, была инспирирована статья в «Московской правде», которая должна была положить конец спектаклю, а возможно, поставить крест и на авторах. Слова, которыми заканчивалась эта статья, звучали приблизительно так: если авторы запутались в своем творчестве, то советский народ может указать им правильный выход.

И третья пьеса, которую мы написали и которая шла много лет в Театре сатиры. И вот недавно ее вновь показали — «Маленькие комедии большого дома».

— Как же она мне нравится, эта пьеса...

— Она была третьей в этом нашем совместном репертуаре, но к этому времени каждый из нас уже представлял абсолютно самостоятельную творческую единицу. И мы поняли, что взаимно исчерпали друг друга. Гришу тянуло больше к драматургии, кинодраматургии, меня же совсем в другую сторону — иронической прозы, иронической фантастики. И мы приняли решение, что, мол, хватит, теперь у каждого свой путь.

— А если подлости вам кто-то делает, какие-то интриги против вас затевает, вредит вам — вы мстите тогда?

— Я не мщу, но меня это выбивает из седла.

— А откуда у вас, как вы выразились, это наивное мировосприятие?

— Из детства. При всем моем цинизме это сохранилось. Мне трудно сказать, в чем тут дело и кто повлиял на меня в этом смысле, но это факт. Это распространяется не только на восприятие жизни, но и людей. Вот такое по-детски азартное отношение к кому бы то ни было или чему бы то ни было, как бы вам сказать... но оно делает мою жизнь очень действенной. Это проявляется в азарте футбольного болельщика, в любых играх или спорах, это проявляется в любви, в собирании этой огромной джазовой коллекции: меняться, ехать куда-то, платить какие-то невероятные деньги, торчать за границей в музыкальных магазинах по четыре часа. Для чего, собственно говоря? Это не есть эгоизм, потому что наибольшее наслаждение я получаю от того, когда прослушиваю эту музыку не один, а в чьем-то обществе; когда я могу этого человека приобщить, когда я вижу его реакцию на услышанное — я получаю двойную радость при этом. Мы можем, к примеру, ночью перезваниваться с такими же сумасшедшими, как и я, по поводу футбольного результата...

— Так-так, и вы футбольный болельщик. И какой же из клубов вы предпочитаете?

— «Торпедо». И вот на это — всякие обсуждения, перезвонки, встречи — у меня уходит очень много времени. И энергии. Но даю вам честное слово, что, если мне предоставляется выбор: сесть и написать что-то, чтоб получить деньги, иногда и немалые по нынешним понятиям, или отменить это все к чертовой матери и посмотреть хороший футбольный матч — я предпочту матч.

Или, допустим, отношение к бане — настоящей, русской, причем не какой-то элитной, тусовочной.

— Вы в Москве родились?

— Нет, я родился в Киеве, но в возрасте четырех лет был перевезен в Москву и с того времени в ней и живу. Двор был настоящий, московский двор того времени: с неблагополучными ребятами, с переростками, которые учились, к примеру, в третьем классе, а им было уже 15–16 лет. Район тоже был не самый спокойный с точки зрения криминала. Хотя по нынешним временам это был просто детский сад.

— Думаю, что даже криминальный двор не помешал вам, человеку скорее с романтическим, чем материальным мировоззрением, втихую от друзей-переростков пробовать себя в стихотворчестве.

— Пытался, конечно. А вот с переростками у меня взаимоотношения были весьма интересные.

Ребята здоровые, взрослые, многие из них и судимы были, но при всем при этом, странное дело, в них сохранилось главное — какое-то безумно настоящее человеческое начало.

— Аркадий Михайлович, не поверю все-таки, что вы их не побаивались.

— Конечно, вначале боялся. Но то ли они со мной, то ли я с ними нашел какой-то правильный язык общения, что до седьмого класса я пользовался покровительством и защитой этих ребят.

Но меня все-таки сильно заедали комплексы, потому что я был слабак, а мне хотелось быть не хуже них. Поэтому я занялся спортом, посещал секции, играл в футбол...

— Наверное, и курнули за компанию — ну чтобы уж совсем с ними задружиться?

— Курнуть — курнул, но тогда ко мне это не пришилось по-настоящему, курить я начал только в десятом классе.

Мое упорство и упрямство в конце концов привели к тому, что это стало для них величайшим изумлением: на спартакиаде школьников Москвы я вдруг поделил первое-второе место с тогдашним рекордсменом Союза и повторил рекорд Москвы в беге на короткие дистанции.

Я очень много наблюдал, как играют в футбол ребята во дворе и мастера на стадионах. Старался учиться и добился-таки определенных результатов — меня брали в сборную двора, сборные пионерских лагерей...

— А кто в то время был вашим футбольным кумиром?

— Александр Пономарев, Гомес, Акимов, Федотов, Бесков, Ильин...

— Это тогда у вас зародилась любовь к «Торпедо»?

— Да, с 1943 года, с момента нашего приезда из эвакуации. Тогда отец отвел меня на стадион — было первенство Москвы, первенство Союза не проводилось во время войны, — я попал на матч «Спартак» — «Торпедо». Ну, «Торпедо» мне понравилось не почему-то конкретному даже, а скорее это пошло от книги и кинофильма: книги «Вратарь республики» и фильма «Вратарь». И там, и там название команд было «Торпедо» — и вопрос фактически был решен. Это потом уже все приняло определенные формы.

— Вас никуда не отдавали для обучения музыке?

— Нет, отдали, но началась война. Отдали в Гнесинское училище по классу скрипки, меня приняли, кстати, без всяких колебаний. Но когда мы вернулись из эвакуации в Москву — в страшное голодное безденежное время, — некогда было думать об обучении на скрипке, все ушли поезда. Все же два года я проучился в музыкальной школе, правда, уже по классу виолончели. Но платить за инструмент, который сдавался нам в аренду, было трудно. Вот многие спрашивают: а если б тебе пришлось заново строить свою жизнь, ты поменял бы ее? И 99 процентов говорят: нет, ни за что, я бы все оставил так, как есть. Ничего подобного — я бы все поменял, и с удовольствием стал музыкантом. Это точно: певцом ли, исполнителем ли, инструменталистом, композитором ли, не знаю, но я хотел бы быть музыкантом.

— Да-да, известны некоторые ваши музыкальные опыты: песня про Люси — одна из первых, кажется?

— Это даже не опыты, а просто доказательство самому себе и некоторому кругу людей, что я, мол, так тоже могу — и больше ничего. Зарабатывать этим я не стану, потому что у меня к этому совершенно другое отношение. И вот это умение получить удовольствие от чего-то нового, невиданного, неведомого, оно, с моей точки зрения, дискредитирует понятие «возраст» — вот что главное.

— В прошлом, когда вы были мальчиком, женщины были другие, да? Или вы на них не обращали внимания?

— Я был тогда еще маленьким. Но у нас был друг — у мамы с отцом и у меня впоследствии, — был замечательный, знаменитый некогда полярный летчик эстонец Леонард Густавович Крузе. Он всегда ходил в летной кожаной куртке, в летных своих штанах, и мне казалось, что другой одежды у него нет. Это был потрясающего ума, потрясающей силы и мужских качеств человек, который летал во время войны в Америку, перевозил гуманитарную помощь по Ленд-лизу. И меня он катал, когда я был в эвакуации в Красноярске, несколько кругов мы сделали тогда на «Дугласе». Вот. И у него была жена — красивая молодая женщина, просто красавица...

А он выглядел рядом с ней мужланом. Но ему ничего не надо было в жизни, кроме своей работы и своей жены. Она никогда и нигде не работала. Но она была женой полярного летчика Леонарда Густавовича Крузе. При этом обожала его и не позволяла себе никаких бросков — ни направо, ни налево, ни отдельно от него, — а он всегда на всех вечерах, в гости когда приезжали, он всегда был в своей кожаной куртке.. И вот такие взаимоотношения мне всегда казались главными и единственными.

Может быть, мои взгляды покажутся кому-то консервативными, но я все равно считаю, что женщина должна все свободное время посвящать себе, своей внешности, своему совершенствованию...

— Может быть, вы просто ревнуете, вот и не хотите отпускать от себя жену?

— Да, я, конечно, ревнивый. Но к вашему вопросу это не имеет никакого отношения. Понимаете, ведь я не первый раз женат... Впрочем, это касается не только жен — в принципе, я повторяю, я очень доверчивый человек, и поэтому я знаю причину отсутствия в данный момент женщины рядом со мной...

— Раз уж мы так подробно «препарируем» женщин и ваши чувства к ним, признайтесь, что с вашей женитьбой связана какая-нибудь романтическая история. Не поверю, чтоб все было обыденно и скучно...

— В последний раз?

— Да.

— С 1972 года я был в разводе со своей второй женой, то есть практически двадцать лет я жил один. Потом она умерла. Вообще у меня всегда сохранялись очень хорошие отношения с ней и с моим сыном. Она и сын всегда оставались моей единственной семьей, несмотря на то, что я жил отдельно. Это было для меня главное, собственно, и сейчас остается. А тут... Если оглянуться...

— Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, — так, что ли?

— Ну примерно да. Я помню, это был канун 8 Марта. Выступление в каком-то клубе в районе проспекта Мира, и у них, помню, не было машины, чтобы отправить меня домой. Был страшный мороз, жуткий день, вечер уже...

Так вот, я стою, ловлю такси, темно, никто не останавливается, жуть, холод, грязь, я был в каком-то плащике, кепке, промерз просто до синего цвета... Наконец появился троллейбус, я сел в него — 9-й номер, — и там, на задней площадке я увидел двух женщин... Что-то вроде знакомое в них было. Они подошли ко мне и говорят: «Как интересно, а мы только что о вас говорили. Хотели пригласить вас для съемок передачи», — они были с телевидения, из музыкальной редакции. Ну вот, одна из них и стала моей женой. Это было десять лет назад. Правда, как говорят, оформили мы свои отношения несколько позже.

— Вы верите, что все в нашей жизни предопределено?

— Знаете, все эти разговоры о зарождении жизни из каких-то там капель — все это я уже проходил, и как врач в том числе. Но постепенно я пришел к выводу, что любая теория — это только условия игры, в которую все договорились играть. И если эти условия устраивают большинство, теория считается правильной. Но ведь это не значит, что она действительно правильная. Так вот, просто эти условия игры меня перестали устраивать, я не верю этим условиям, они не убедительны для меня. Поэтому я считаю, что жизнь, по крайней мере та, что происходит на Земле, — это конечно же абсолютно осознанно произведенное действие, кем-то и когда-то, опыт, эксперимент, пока не знаю... А раз так, значит, это опыт, который забросили и забыли, оставив пробирку..

Однажды я получил письмо от женщины, не помню, не то с Кузбасса, не то из Сибири. Она пишет, что была в отчаянии, собиралась уйти из этой проклятой жизни и вдруг случайно наткнулась в библиотеке на один из моих старых рассказов и прочитала его. Она мне писала, что он изменил ее отношение к жизни, что благодаря этому рассказу она осталась жива.

— Что же это за рассказ?

— В том-то и дело, что рассказ, который я никогда не считал для себя большой удачей, и он никогда не был в категории популярных — нормальный писательский рассказ, и я даже забыл, что он существует. Он для меня был дорог, но он был — как, знаете, кино не для всех, так и этот рассказ — не для всех. Назывался он «Вареная курица в Четверг».

● **Марина КРАЙНЯЯ**

● **P.S.** *Этот рассказ «Новая газета» планирует напечатать*